

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Наталья Геннадьевна Корнилова

Последняя охота

Серия «Пантера», книга 14

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953995
Пантера: последняя охота: Повесть: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13369-0

Аннотация

Кто? Когда? Зачем? – такие вопросы задает каждый, кто начинает расследовать преступление. Мария Якимова, сотрудница агентства «Частный сыск», не могла пока ответить ни на один из этих вопросов... Из больницы похищена девушка Юля – наследница огромного состояния. Поиски результатов не дали... может быть, Юли уже нет в живых – ведь и ее дядя, владелец клиники пластической хирургии, убит. А именно он являлся опекуном девушки и ответственным за ее деньги, которые, как удалось выяснить, он успел пустить в дело и... потерпел крах! Но кому выгодно лишать его жизни? Не самой же Юлии – совсем юной и беспомощной?.. Загадка без разгадки... И только прислушавшись к голосу своей интуиции, Якимова кое о чем догадалась. Настала пора действовать. И ловкая отважная Пантера – истинная сущность Марии – выходит на охоту...

Содержание

Пролог с убийством	4
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Наталья Корнилова

Последняя охота

Пролог с убийством

Длинная стрелка механических часов, висящих на стене, переместилась на одно деление, и получившийся разворот указателей времени напомнил знак виктории, победы, который так любят показывать двумя раздвинутыми галочкой пальцами американские политики в конце своих публичных выступлений. В общем, было без пяти час дня. Тринадцатое июня. Да еще и пятница. Говорят, в такие дни по стране увеличивается процент ДТП, число сломанных каблучков, утерянных кошельков и зонтиков, а также прочих неприятностей. Отчего это – непонятно, но русский народ причину обычно ищет не в себе и в случае с пятницей обвиняет во всем черта. Пятница же чертова.

Однако девушка в мешковатом сером свитере, которая стояла у больничной стены на втором этаже за ширмой, изляпанной чем-то желтым, и нервно кусала ногти, даже не вспоминала о черте. Дело в том, что не происходило ровным счетом ни-че-го – ни приятного, ни неприятного! Вот уже целых пятнадцать минут на втором этаже больницы царило почти кладбищенское безмолвие, изредка прерываемое

шуршанием одежды, когда девушка меняла позу.

«Почему они так медлят? – терзала ее мысль. – Обычно по их встречам часы можно проверять. Как только начало обеда, эта фифочка сразу же – шмыг в дверь главврача, и...»

Пожалев, что не курит – это скрасило бы минуты ожидания, – Вера Кузьмичева переключилась на технические размышления.

«Так, цифровик готов... Жаль, что те фотографии, которые я отщелкала позавчера, вышли неудачно. Выглядели словно фотомонтаж. Олег бы не поверил им... Пришлось покупать цифровой фотоаппарат. Итак, рабочие ремонтники ушли на обед в столовую, стало быть, на моем пункте наблюдения никого сейчас нет. Самое время делать компрометирующие снимки... Дело за главными действующими лицами... Ну и где же они?»

Неожиданно ее сердце лихорадочно забилося: по коридору легкой походкой шла девушка модельной красоты. Она была из той породы женщин, которые даже если и уронят платок в совершенно пустом коридоре больницы, все равно не будут утруждать себя и поднимать его – обязательно как из-под земли выскочит мужчина и галантно вернет сопливчик прекрасной даме. Ибо Инна была воистину прекрасна: натуральная блондинка с длинными, до пояса, волосами, бездонными фиалковыми глазами, точеной фигуркой и прочими атрибутами прекрасной женщины, правда, несколько смахивающей на куклу Барби. Вот она, легко качнув идеаль-

ным бедром, тихонько стукнула в дверь главного врача косяшками загорелых пальцев, вошла внутрь и заперлась изнутри, оставив о себе лишь волнующее напоминание в виде едва уловимого аромата дорогих духов.

«Ну вот и она! – стукнуло сердце Веры, которая всегда втайне отчаянно завидовала красивым и эффектным от природы девушкам, однако ни за что не желала себе в этом признаться. – Господи, ну почему я не такая? Хотя нет, – одернула она себя, – любят не за внешность! Я – личность, и я должна быть выше этой нелепой зависти».

Достав цифровой фотоаппарат, который она купила только вчера за бешеные деньги (старенький «Кодак» не оправдал надежд), Вера завернула за угол, проникла в очень светлый и просторный, пока что не заставленный мебелью и даже не до конца оклеенный обоями кабинет и прильнула к знакомой, собственноручно проверченной дырочке на месте выдернутой розетки. Из соседнего кабинета доносилась возня.

– Инна, ты с ума сошла? – негромко, почти раздраженно сказал мужчина в кабинете главного врача. Ответом ему был довольный женский смех.

– Да ладно тебе! – мурлыкающим голосом сказала девушка. – Можно подумать, ты против.

– У меня сейчас операция! – попробовал снова возразить мужчина.

– Не сейчас, а через три часа! – игриво возразила девушка. Возня не прекращалась.

– Инна! – резко осадил девушку главный врач.

– Ну что? – В ее голосе зазвучали обиженные нотки. – А помнишь, как в прошлом месяце, прямо в раздевалке?..

– Не помню. Ты сделала, что я просил?

– Деньги перевести? – вздохнула девушка. В дырочку было видно, как на край стола примостилась аккуратненькая попка, обтянутая белым шелковым стрейчем.

– Только кричать об этом не надо, ты же понимаешь. – Тон мужчины изменился, стал тише и проникновеннее.

– Да не кричу я! У тебя уже паранойя, дорогой. Перевела я деньги, не волнуйся... Куда ты звонишь? Ты что, мне не веришь? Да? Витя!

Мужская рука отодвинула попку со стола, взяла трубку телефонного аппарата, стоящего рядом, и исчезла из виду. Пальцы другой руки потыкали в кнопки. Судя по всему, мужчина звонил в банк. По мере разговора тон его голоса становился все мрачнее и мрачнее.

– Не понял, – сказал он, кладя трубку и поворачиваясь корпусом к девушке. – Почему управляющий банком мне сказал, что на счету всего тридцать три рубля и сорок копеек?

Наступило напряженное молчание. Полураздетая Инна попробовала было подластиться.

– Милый... Он, должно быть, пошутил.

– Детка, с деньгами не шутят! Я жду объяснений. Почему ты не перевела деньги?

Девушка молчала.

– Инна!

Тон мужчины стал угрожающим.

– Я просил перевести четыреста тысяч евро на счет Юлии! – четко произнес он. Вера охнула, поразившись сумме. – Ты этого не сделала! Ты смеешься надо мной?

– Что ты! – вздохнула наконец Инна. Вере показалось, что вздох девушки был притворным. – Как можно? Должно быть, произошла какая-то ошибка! Я все исправлю, вот увидишь!

– Ты обещала к сегодняшнему дню! Мне через два дня к нотариусу ехать! Что я ему покажу? Тридцать три рубля?

– И сорок копеек, не забывай! – Девушка сделала попытку пошутить, но мужчина даже не улыбнулся. – Да ладно, ладно, милый, не сердись! Сейчас все сделаю! Сам понимаешь, у нас же проходит налоговая проверка, нужно быть крайне осторожными, а то попадемся...

– Почему ты мне соврала?

– Не хотела тебя волновать. У тебя же сейчас ответственная операция. Расслабься.

– С тобой расслабишься! Господи, зачем я только вложил все деньги в тот дурацкий банк? Обещали ведь приличные проценты, а в результате пшик. Через два дня передача опекунских прав, Юлия вступит... должна будет вступить во владение всем капиталом. А всего капитала на счету – кот наплакал. Только учти, дорогуша, – мужчина ущипнул де-

вушку так, что она вскрикнула от боли, – если ты не сделаешь этого сегодня же, я с твоей прекрасной попки холеную шкурку спущу, уж будь уверена. Мы же договаривались, что перевод денег будешь осуществлять ты! Понятно?

– Да, – покорно вздохнула девушка. – Извини, не сердись. Повернись, я тебе плечи разомну.

Мужчина задумчиво посмотрел на собеседницу, которая в неглиже выглядела поистине очаровательно, и послушно позволил себя развернуть. На его плечи легли тонкие изящные кисти рук и стали осторожно разминать напряженные мышцы.

– Ты подпишешь документы? А то мне пора идти, – слегка заискивающе спросила Инна. – Этот тип из налоговой прямо озверел! Ходит, фырчит на всех, как дракон, словно тут одни преступники собрались, а не врачи, помогающие людям стать красивыми. Особенно он меня невзлюбил!

– Он видит в тебе продукт нашего труда, – заметил врач. Его настроение заметно улучшилось. – Видимо, предпочитает натурально красивых женщин.

– У меня все натуральное, – обиделась Инна. – Даже кожа. Что ответил врач, Вера не расслышала, так как в это время в коридоре раздался шум. Не вовремя возвращались строители. Вера испуганно огляделась, ища, куда бы спрятаться. Однако ни одного мало-мальски укромного места в этой чрезмерно просторной комнате без мебели она не нашла. Отчаявшись, девушка наконец юркнула за рулон с ковролином,

стоящий вертикально у стены. Рабочие, не заметив спрятавшейся тоненькой фигурки, дрожащей от испуга, занялись своими делами, обсуждая, как лучше красить вторую комнату за аркой – в белый или в стандартный зеленый цвет.

Вера запаниковала, представив, что вот-вот ее обнаружит кто-то из этих горластых подвыпивших мужиков. От страха у нее усилилось сердцебиение, по спине стекла липкая струйка пота, девушка уже сама готова была выскочить из-за рулона и умчаться куда глаза глядят, но что-то удержало ее на месте. Она настолько переволновалась, что потеряла счет времени. Спасение пришло неожиданно. Явился прораб и выгнал горлающих мужиков во двор, кирпичи разгружать.

Вера облегченно перевела дух и возблагодарила бога за этот маленький подарок.

«Щелкну, и все, бежать отсюда! Не представляю, что бы я им сказала, если бы они меня увидели».

Вера вновь прильнула к дырочке, наставив на нее объектив фотоаппарата. Однако стол был пуст. Некоторое время все было тихо. Неужели они ушли? Удивившись, Вера подождала еще пару минут. Но время уже поджимало – вот-вот могут вернуться строители. Неожиданно девушка уловила какое-то движение в кабинете главврача... С ее пункта наблюдения ей был виден лишь край дубового письменного стола и телефонный аппарат, стоящий на нем.

Внезапно за этот угол схватилась окровавленная мужская рука, и Вера с ужасом узнала в ее обладателе главного врача

клиники, чей светло-зеленый костюм был буквально залит кровью. Послышался сдавленный хрип, от которого кровь Веры застыла в жилах. Скрюченные пальцы некоторое время судорожно сжимали край стола, но было видно, что это уже судороги умирающего человека...

Вера пулей выскочила из ремонтируемого помещения, влетела в кабинет главврача, дверь которого оказалась незапертой, и подбежала к хозяину кабинета. Тот неудобно лежал на боку, пытаясь дотянуться до телефона, однако кровавый след, прочерченный ладонью по боковой стенке стола, показывал, что этой руке уже никогда не подняться. Она бессильно сползла на пол.

В полном шоке Вера уставилась на лужицу натекшей крови, которая показалась ей целым океаном. Впоследствии, на допросе, она будет уверять, что «все, все было в крови!», хотя на самом деле кровь впитала лишь ткань медицинского костюма. Да небольшое пятно было на дорогом темно-зеленом ковре. Рядом валялся хирургический скальпель, лезвие которого также было измазано алыми разводами. Вера на секунду присела, как под гипнозом коснулась тускло блестящего лезвия, взяла его, но тут же выронила скальпель и отдернула руку. Девушку начала бить дрожь.

Умирающий тщетно пытался что-то сказать. Вера наклонилась над ним, замороженно глядя, как в уголке его рта пузырится кровь.

«Значит, все, каюк мужику, точно умрет, – мелькнуло в

ее голове, – я где-то читала, что пузыри на губах – верный признак скорой смерти».

Однако эта мысль тут же улетучилась, как и все остальные. В данный момент для Веры существовали только перемазанные кровью губы умирающего, который с усилием произнес-таки хриплым голосом:

– Лари... Лена... скажи им... Олег!

Он захрипел, неожиданно выгнулся дугой, схватив Веру за запястье, и обмяк, перемазав руку девушки своей кровью.

В этот момент Веру схватили за плечи чьи-то сильные руки, похожие на клещи, и оттащили от трупа. Но она уже ничего не воспринимала, думая только о том, что ей только что сказал покойник. Одновременно мелькнула дикая мысль, что все происходящее очень напоминает роман Хмелевской, где главная героиня вот так же оказывается свидетельницей последних слов умирающего гангстера. Только там все было смешно...

А здесь...

«Что он хотел этим сказать? Что? Имя убийцы? Они все произносят имя убийцы, это в каждом детективе есть. Так что же: Лариса, Лена, Олег? Кто они такие? Хотя стоп! Олег? Не может быть... Не может этого быть!!!»

– Нет! – закричала она. – Нет! Только не он! Нет! Нет!

Олегом звали ее принца, ради которого она сюда и пришла.

Решила открыть глаза на его пассию, его невесту, которая

изменяла Олегу.

А в результате...

Вера с тоской посмотрела на возникшего будто бы из ниоткуда майора милиции с суровым лицом. Выражение этой официальной физиономии не предвещало ничего хорошего.

* * *

На дворе стоял жаркий июль, во время которого любой нормальный москвич стремится уехать подальше от мегаполиса, грозящего вот-вот расплавиться. Офис детективной конторы с незамысловатым названием «Частный сыск» пустовал. Я была одна. Мой босс, начальник, старший товарищ и просто хороший человек Родион Потапович Шульгин с женой Валентиной, которая работает у нас же секретарем, и сыном Потапкой свалили отдыхать к теще на Черное море. Не знаю, может, там и прохладнее, чем тут, но, на мой взгляд, любой отдых красится одиночеством. Незачем тащить за собой всю свою домашнюю ораву, которая и так треплет тебе нервы круглый год.

Короче, я здесь за всех – за босса, за секретаря, за саму себя. Компанию составляет мне только шарпей Счастливчик, которого мне оставили на попечение. По жизни он обжора и дурак, который все время что-то жует. В прямом смысле – все. Особенно любит перемалывать челюстями важные конверты, почту, газеты, при этом, зараза такая, рекламные бук-

леты никогда не трогает, словно они не на бумаге напечатаны, а, скажем, на резине. Не знаю, почему он такой, обычно шарпеи умные, милые собаки.

Дел на данный момент у меня никаких не было, канцелярию-бухгалтерию я привела в идеальный порядок, так что с полным правом ловила кайф от летнего безделья.

Все началось в субботу, в обед, когда я занималась гимнастикой и висела вниз головой на своей любимой перекладине, установленной в дверном проеме между хозяйственной комнатой и приемной. Царящая вокруг тишина и спокойствие неожиданно были нарушены пронзительным женским криком. К входным дверям с лаем помчался Счастливчик. Пес был очень взбудоражен и вилял хвостом так энергично, словно за дверью кто-то был.

Я мысленно чертыхнулась. Висеть вниз головой – одно из моих любимых китайских упражнений, оно восстанавливает правильное течение «ци», длится всего полторы минуты, требует особого душевного настроя, потому прерывать его нежелательно.

Видя, что хозяйка не торопится, ко мне вверх ногами подбежал наш шарпей Счастливчик и мокрым носом обнюхал мой лоб, торопя меня. Черт, нет в жизни счастья! Я напрягла мышцы пресса и медленно начала приподниматься – ни в коем случае нельзя это делать быстро. Во-первых, можно треснуться головой о низкую притолоку, во-вторых, резкое изменение давления и отток крови от головы приведут вас в

полуобморочное состояние, и вы просто-напросто свалитесь вниз мешком с картошкой. И хорошо еще, если повредите себе только руку или пару ребер. Все-таки загипсованная рука смотрится гораздо эстетичнее, чем сломанная шея.

Я повисела некоторое время уже в нормальном, вертикальном положении и прыгнула на пол. Счастливчик тут же куда-то удрал, топая, как слон. По-моему, его и надо было назвать Слонопотамом, а не на английский манер – Лаки. Лаки – слишком легкое имя для бегающего холодильника.

Я выглянула в окно. Никого. Криков больше не было. Да мало ли кто кричал, может, соседке очень хорошо...

Я вышла на крыльцо, залитое солнечными лучами, и окинула взглядом окрестности, но ничего подозрительного не обнаружила. Потому что в округе вообще никого и ничего непривычного не было. Все как всегда. Разве что ни одной машины я не заметила, ну так и время сейчас самое рабочее – половина второго.

Я собралась уже идти в дом, как вдруг моего слуха коснулся великолепный низкий женский голос необычного тембра. Такие голоса сразу же вызывают в памяти Большой театр или консерваторию.

– Что вам нужно, молодой человек? Что вы хотите?

Я посмотрела на улицу. Разыгрывавшаяся там сцена «снятия дамы на вечер» или на день, кому как удобно, была бы вполне типична для нашего района... Если бы дама была помоложе лет этак на тридцать.

Слов нет, выглядела она более чем прилично: мое прекрасное зрение даже с расстояния двухсот метров позволило разглядеть изумительно ухоженную кожу, на которой, правда, все-таки были морщинки, однако персиковый цвет лица скрадывал напоминание о прожитых годах. «Гусиные лапки», впрочем, едва заметные, каким-то невероятным образом подчеркивали красоту глубоких черных глаз, нос был не классически прямым, но все равно красил ее обладательницу. Кстати, он был почти как у Барбры Стрейзанд, ее же тонкие губы... Вообще, если бы не цвет глаз, я бы подумала, что перезрелая блондинка, к которой сейчас грязно приставал уличный хулиган, была не кем иным, как звездой Голливуда собственной персоной. Очень похожа.

Молодой человек между тем настаивал: «Пройдемте со мной». Дама отбрыкивалась. Молодой человек становился все более настойчивым, дама злилась, пока наконец не залепила ему пощечину, прозвучавшую в тишине, словно выстрел.

– Сука старая! – завопил он. – Ща я тебя...

– Что? – ни капли не пугаясь, заорала дама. – Что ты мне сделаешь?

Парень слегка опешил.

– Коза драная! – неуверенно сказал он. – В клочья порву!

«Интересно, за что? – подумала я. – За отказ? Велика беда».

Другую можно найти, молоденьких соплюшек на улицах

аки мошкары на болоте. А этой рафинированной во всех отношениях даме лет пятьдесят, не меньше.

Что же нужно парню? Секса или денег? Но и то и другое требовать среди белого дня от проходящей мимо незнакомой женщины «золотого возраста»? Безрассудно. Я направилась к ним, пока не спеша, но внутренне готовясь к рывку. Чувствовалось, что парень может принести немало неприятностей.

– Рискни, гнида позорная! – порадовала меня разнообразием лексики дама. – Падла мрачная! Что zenки-то вылупил? А? Чего заткнулся? Я тебя живо научу старших уважать!

Парень оскалился, рыкнул дурным голосом и неуклюже вскинул руку, словно собрался ударить даму. Однако хрупкое создание, казалось бы, с трудом стоящее на десятисантиметровых каблучищах, повело себя совершенно непредсказуемо. Женщина присела, уходя от удара, и метко ткнула брата кулачком с наманикюренными пальчиками в бок. Когда парень замахнулся еще раз, она профессионально перехватила его руку и заломила ее так, как это любят делать омоновские ребята, заставляя противника принять ту позу, что называется «раком», после чего провела пару не видных мне манипуляций с бычьей шеей гопника. Парень сделался как шелковый. Он послушно сел на задницу и более не шевелился.

Я подбежала к женщине. Счастливчик недоуменно гавкнул мне вслед.

– Помощь требуется?

Женщина в черном костюме оценивающе окинула меня взглядом – по случаю жары я была в легком спортивном костюме – и одобрительно кивнула. Мне понравился ее взгляд, которым она оценила мои плоские, однако тугие мышцы – это был взгляд профессионала. Похоже, дамочка когда-то серьезно занималась борьбой.

– Ой, пожалуйста, милочка, – великолепным контрольным сказала она, – не знаю прямо, что с ним и делать. Вырубить-то я его вырубил, но что теперь? Не на закорках же тащить, в самом деле?

– Посмотрим, – сказала я, присаживаясь рядом с парнем.

Он бессмысленно таращился, не реагируя на мою руку, которой я помахала перед его глазами. Так иной раз смотрит наш Счастливчик, когда посреди дня налопается «Чаппи», потом сядет и осоловело уставится в одну точку. И хоть кол ему на голове теши – не моргнет даже.

– Что вы с ним сделали?

– Кемпо, – лаконично сказала дама и добавила: – Если вы, конечно, поймете, что я имею в виду.

О кемпо я не только знала, я даже умела им пользоваться. Японским термином «кемпо» обозначают боевые искусства, зародившиеся в Китае. «Кемпо» в переводе означает «путь кулака» или «наука кулачного боя». В принципе, как и все восточные единоборства, это изучение боя на близкой дистанции без оружия, но также и развитие умственной и

физической культуры. Очень мне нравятся такие приемы, когда противника успокаиваешь прикосновением пальцев к определенной биологически активной точке, коих на теле человека очень много. Только нужно быть осторожным – а то убьешь. Но вообще-то у мастеров такого не случается – обычно он с точностью до минуты может определить, как долго, например, продлится паралич у противника, если слегка нажмешь на... Но это уже подробности.

– Надо же, – уважительно протянула я, – никогда бы не подумала, что встречу женщину, которая владеет кемпо.

– Ну, руку-то я ему завернула самым элементарным приемом: захват кисти и заворот за спину. Не люблю, знаете ли, сложностей. На мой взгляд, чем проще прием, тем он эффективнее, не правда ли?

– «Ножницы» тоже неплохи, – кивнула я.

– О, да я вижу, мы с вами – родственные души! – обрадовалась женщина. – А вы этим давно занимаетесь?

Всю жизнь, хотела ответить я, но передумала. Обсуждение боевых тонкостей, конечно, штука приятная, но не здесь же этим заниматься!

– И куда вы теперь его денете? – спросила я. – В милицию бы надо, как-никак нападение.

– Ой, вы знаете, – жеманно протянула женщина, кокетливо взмахнув ухоженной ручкой, – здесь где-то недалеко должно располагаться агентство «Частный сыск». Я как раз туда и направлялась. Я думаю, лучше будет, если с ним про-

фессионалы побеседуют.

Эта дама нравилась мне все больше и больше. Во-первых, тем, что считает нас профессионалами – согласитесь, это приятно. Во-вторых, она совершенно нетипична. По ней ни за что не скажешь, что на нее только что было совершенно покушение. Стоит себе как ни в чем не бывало, демонстрирует светскость и женственность, вроде бы не она только что мастерски уложила громилу на асфальт. Причем сделала это чисто по-женски – «без шума, без пыли». Взмахнула ручкой – и готов.

– Мария Якимова, – представилась я, – детективное агентство «Частный сыск». Чем могу помочь?

* * *

Недаром мне показалось знакомым лицо этой женщины – конечно, я ее знала, несмотря на то что в принципе всю свою детскую, отроческую и сознательную жизнь была далека от мира кино, шоу-бизнеса и театра. Я зачастую путала Арнольда Шварценеггера и Бертольда Шварца, а Аллегрова почему-то ассоциировалась у меня с медициной – бог знает почему, должно быть, все дело в созвучии слова «аллергия» и фамилии певицы. Вот такое у меня было воспитание. Сэнсэй Акира делал упор на другие вещи. Но об этом позже.

Дом, в котором я воспитывалась, находился как раз рядом с драматическим театром. Я часто видела афиши с улыбаю-

щимся холеным женским лицом, где чуть ниже находился текст: «Елена Беловицкая! Единственный концерт в нашем городе перед мировыми гастролями! Торопитесь купить билеты!»

Она пела. У нее был дивный голос, а также великолепный репертуар, чарующая красота и море поклонников. Но все в этом мире преходяще. С годами увяла кожа, в золото волос вплелось серебро, изменился и несколько задрезжал голос. Поклонники состарились или поумирали от перестро-ечных невзгод, а те, что остались, зачастую не имели средств, чтобы прийти на концерт камерной дивы. Тех, кто сохранил слышащие уши и при этом имел достаточно денег на доро-гой билет и желание послушать Беловицкую, было настоль-ко мало, что Елена Дмитриевна решила: овчинка выделки не стоит. Беловицкая стала давать редкие концерты совершенно бесплатно. Не для избранной кучки народа, а, как всегда, для полного зала. Так и самой приятнее петь.

Однако жить на что-то надо. Поэтому пятидесятилетняя певица мудро решила плыть по течению и отбросила консер-вативную гордость человека искусства, сказав себе, что луч-ше быть богатым, сытым и хорошо одетым, чем принципи-ально сидеть на хлебе и воде. Мужа у нее, как ни странно, так и не появилось.

Она ударилась в бизнес. Поначалу театральный мир был шокирован известием, что Елена Беловицкая отныне – вла-делица косметологического кабинета, где за умеренную пла-

ту вам предоставляли те же услуги, что в обычной парикмахерской, однако салон стал пользоваться успехом. На кого-то магнетическое влияние оказывало известное имя владелицы, кого-то прельщали чистота и удивительный, почти европейский порядок, всегда царящий в «Прелести». У Елены Дмитриевны сохранились старые связи за границей, поэтому проблем с доставкой товаров – настоящих, фирменных средств, а не подделок, наводнивших постсоветский рынок в начале девяностых, – не возникало. Низкие цены, старые приятельницы, из-за сокращения оказавшиеся на улице, но не утратившие куаферского мастерства, уют, чистота и гарантия качества – все это очень быстро было оценено посетителями.

Постепенно «Прелесть» выросла из маленькой парикмахерской в настоящий косметологический комплекс с высококвалифицированными специалистами, новейшим оборудованием и технологией ноу-хау. Под этим словосочетанием скрывался уникальный метод сохранения кожи молодой и здоровой как можно дольше, разработанный лично Еленой Беловицкой.

– Я ведь, прежде чем певицей стать, медсестрой работала. Мне повезло: я попала в клинику кожных болезней, так что болячки эти знаю от и до, – аристократично держа прямую спину в кресле для посетителей, рассказывала мне Елена Дмитриевна. – Да еще и профессия наложила свой отпечаток – всегда приходилось быть свежей и подтянутой. Поэтому

му о сохранении красоты я знаю все. Поначалу мое детище было обычной парикмахерской, не хватало средств для раскрутки, но... «Прелесть» стала, собственно, «Прелестью», когда моим скромным предприятием заинтересовался... э-э, старый голландский знакомый.

Она слегка порозовела.

– С Вайно мы теперь живем в гражданском браке. «Прелестью» владеем вместе. Акционерное общество закрытого типа – вот что представляет собой в юридическом плане наше детище сейчас. Директоров двое – он да я.

Я кивала время от времени, показывая, что принимаю информацию к сведению. Все это очень интересно, однако дама льет слишком много воды, не переходя к сути.

– Что же меня привело к вам? – перешла наконец к делу Беловицкая и глубоко вздохнула. – Судя по тому, что вы никак не отреагировали на название «Прелесть», вы не смотрели вчерашние «Новости»?

Я подтвердила. А что их смотреть? Было бы что-то интересное... У меня, в конце концов, отпуск, отдых... Надо же хоть иногда отвлекаться от мирской суеты и обращать свой взор внутрь, чтобы перейти на иную ступень самопознания. Процесс этот очень интимный, расписанию неподвластен, поэтому подчинить свой внутренний мир темпам московской жизни не всегда представляется возможным. Приходится жертвовать недостатком внешней информации. Впрочем, этот пробел легко восполняется.

Я не ошиблась в ожиданиях – Беловицкая вкратце мне все рассказала, правда, за официальными подробностями мне пришлось лезть в Интернет. Сенсацией вчерашнего дня стало убийство главного врача клиники красоты и здоровья «Прелесть» Виктора Валентиновича Аникеева. На месте происшествия с поличным была задержана девушка, фотография которой имелаась тут же. Кузьмичева Вера, невзрачная девица двадцати трех лет от роду, работающая в фирме «Компьютерный салон» в Бибиреве. Живет где-то там неподалеку. Каким ветром тогда ее занесло на другой конец города? Свою вину Вера отрицает. Убит Аникеев был скальпелем. Три проникающих ранения, одно из которых стало смертельным.

Я вышла из сайта и посмотрела на Беловицкую.

– Ознакомились? Отлично. Как вы поняли, все произошедшее касается меня лично, поскольку Виктор Валентинович приходился мне сводным братом. Правда, я его терпеть не могла – тут причины личного характера, но на работу взять пришлось – иначе бы он по миру пошел, а с ним и Юлечка!

Беловицкая выдала все это на едином дыхании, отчего я, признаться, слегка опешила.

– Погодите, погодите, не так быстро. Кто такая Юлечка?

– Его и моя племянница. Понимаете, мой отец, царствие ему небесное, был человеком с характером Казановы. Бог ведает, сколько еще неизвестных мне братьев и сестер бродит

по просторам России... Да и по миру он немало поездил, может, где-то и негритята с кровью академика Беловицкого бегают... – Она мечтательно задумалась. – О, извините, отвлеклась. Родительница Виктора была сродни моему отцу по темпераменту и, кроме него, имела детей еще от трех мужчин. Так вот, старший брат Виктора умер в младенчестве, – стала погибать пальцы певица, – второй брат сидит в тюрьме пожизненно, не помню, за что, особо злостное убийство, кажется. Третий – Виктор, и младшая сестра его – Алена, которая, собственно, и родила Юлечку. Алена и ее муж трагически погибли во время отдыха в Серебряном Бору – случился пожар, а они из-за чрезмерного количества выпитого алкоголя не сумели спастись.

Павел, Юлин отец, был очень богатым человеком, на тот момент даже богаче меня, гораздо богаче. И наследницей всего стала Юлечка. Не поймите превратно, но я к девочке привязалась исключительно из-за того, что сама бездетна, а Юленька – такая милая деточка... Однако опекуном Юлин отец назначил своего шурина, то бишь моего сводного брата Виктора. Это было десять лет назад! Ах, а теперь, когда он умер...

Она трагически замолчала, картинно смотря в наш слегка потрескавшийся потолок застывшим взглядом.

– А что теперь, когда он умер? – вернула я ее на землю.

Беловицкая отвлеклась от потолка и удивленно посмотрела на меня, будто впервые увидела.

– Как что? Теперь Юлечка станет весьма обеспеченной девушкой! Только мы об этом узнали совсем недавно, – неожиданно прибавила она.

– То есть?

– Понимаете, Павел Бочкин отличался весьма непонятным и эксцентричным характером. И когда он умер, оказалось, что никакого завещания нет. Оно и понятно, Павел находился в самом расцвете сил и не собирался умирать, но, как оказалось, завещание он все-таки оставил. Только известно о нем стало всего месяц назад.

– То есть?

– Завещание составлено таким образом, что Юлечка до достижения определенного возраста не должна знать о собственном финансовом благополучии, иначе она ничего не получит.

– Извините, как это? Дядя ей ничего не сказал? С трудом в это верится.

– Да он и мне ничего не говорил! Он вообще никому ничего не говорил относительно того, что же было указано в завещании. Понимаете, Маша, дело обстояло так. Павел, Юлин отец, очень дружил с Виктором – я, кажется, уже об этом говорила, – потому и завещание свое составил так, что, кроме нотариуса и самого Виктора, который назначался опекуном всего капитала, никто не должен ничего знать. Лишь однажды – признаюсь, сделала это намеренно – я напоила Виктора и выведала у него тайну. Под Новый год дело, кажет-

ся, было. Но даже у пьяного узнать у него мне удалось всего ничего. Что Юлия получит изрядную сумму денег по достижении двадцати двух лет... Он еще был недоволен тем, что срок передачи капитала приближается, а у него...

Голос Беловицкой стал невнятным, она замолчала.

– А что у него?

– Ах, да какая теперь разница! Какие-то у него там проблемы возникли, но это мы узнаем только завтра, нотариус все расскажет, – недовольно поморщилась она. – Умер – и умер, бог ему судья, хотя, может быть, нехорошо так говорить. Я Виктора, как уже говорила, терпеть не могла, как и он меня. Неуживчивый человек, как его Лариска терпит? Нет, я хочу, чтобы вы нашли мою племянницу Юлию. Дело в том, что она пропала в тот же день, когда убили моего брата.

Беловицкая вздохнула и рассказала мне все, что происходило в ее клинике.

Конечно, я догадывалась, что наши СМИ (по крайней мере те, которым можно верить) заметки подобного толка согласуют с пресс-службой при МУРе, однако в интерпретации Беловицкой вся история выглядела совсем иначе, нежели преподносилась на сайте. В Интернете ясно указывалось, что Аникеева, скорее всего, убила злоумышленница Кузьмичева, специально проникшая в здание с целью совершения убийства. О мотиве, правда, умалчивалось. А Беловицкая описала мне обстановку, царящую в последние дни в больнице, при которой проникновение неизвестной девушки в

здание сквозь строгий пропускной пункт становилось практически невозможным.

– Как же она проникла? – спросила я.

– Не знаю, – был лаконичный ответ певицы.

В настоящее время в «Прелести» проходила очередная налоговая инспекция. Приехавшая комиссия по налогам и сборам перетряхивала клинику красоты сверху донизу. Особенно доставалось бухгалтерии. Конечно, все были на взводе. Даже младший медицинский персонал, которого, казалось бы, происходящее касалось меньше всего, и тот был выведен из равновесия: путал медкарты, терял больных по дороге в операционную, назначал массаж людям с ожогами кожи и прочее.

Апогеем дня стало то, что одну из пациенток чуть не отправили на тот свет, перепутав анестезирующие вещества. В карточке девушки стояло весьма четкое запрещение использовать препарат под названием «Дикаин», применяющийся как анестезирующее при операциях на глазах. Однако сестра, только что выдержавшая нагоняй от кого-то из бухгалтерии, перепутала ампулы и вколола пациентке именно дикаин. У несчастной девушки, решившей всего-то подправить форму носа, моментально развился анафилактический шок со скоротекущим отеком гортани, повышенной температурой, рвотой и прочими неприятностями, едва не приведшими к летальному исходу.

– Я едва не уволила всех, когда это случилось! – нерв-

но хрустнула пальцами Беловицкая. – Ведь пациенткой этой была моя племянка Юлечка! Ах, бедняжке в самом деле достался не совсем изящный нос, да и уши слегка оттопырены – мы собирались все это исправить, но в результате я едва не потеряла свою любимую девочку!

Я выдержала паузу, дабы выразить свое сочувствие, и вернула экзальтированную даму на землю.

– Юлия пропала вчера? – уточнила я. – В пятницу, тринадцатого?

– Да!

– Смерть вашего сводного брата как-то связана с пропажей Юлии? Вы упоминали об этом...

– Просто Юленьку собирались оперировать в среду, одиннадцатого июня, в час двадцать, но случилась эта история с перепутанными ампулами, и операцию, сами понимаете, отложили. Юля, однако, быстро пришла в себя и стала настаивать на операции. Говорила: «Чем быстрее отмучаюсь, тем лучше». Не знаю, откуда взялась такая поспешность... Хотя Юлия всегда так переживала из-за своей внешности... У нее друзей не было. Комплексовала. Она даже собаку завела, чтобы не чувствовать себя столь одинокой, хотя – видит бог! – я старалась развлечь девочку! Такая милая псинка, болонка!

«Что же вы, любящая тетушка, не отвели девочку к психологу?» – хотела спросить я, однако не успела. Беловицкая не дала мне и слова вставить, резко вернувшись к теме:

– Врачи не возражали. Виктор взялся сам за операцию, и, представляете, за три часа до нее оказалось, что он убит.

Так не вовремя! Вы только подумайте, какой удар Юлечке придется пережить. Сама чуть не умерла, да еще и дядю потеряла. И нос прежним остался!

Я вдохнула и выдохнула, вдохнула и выдохнула. Успокаивающее дыхание почему-то не успокаивало. Мало того, что эта дама подает информацию в беспорядке, так она еще и перемежает ее личными соображениями, в которых я уже тонущу! Черт бы ее побрал, умереть можно!

– И как же Юля исчезла?

– Сразу после вести о случившемся поднялся дикий шум, суматоха, тут еще налоговая... Меня спешно вызвали на работу – я ездила за квартальной документацией, которую хранила дома. В общем, я думаю, что Юлю похитили именно в этот момент.

Ага, оказывается, девушка похищена. Мария, потерпи еще немного и, может быть, узнаешь что-то еще.

– Похитили, вы считаете?

– Нет, ну вы как милиция, честное слово! Они тоже считают, что Юлия ушла своими ногами, и при этом намекают, что жуткая резня в кабинете Виктора и уход Юлечки как-то связаны! Какая-то из медсестер слышала, что накануне первой несостоявшейся Юлиной операции Юлечка и мой сводный брат весьма крупно повздорили. Вроде бы разговор касался денег. И после этого Юлечку едва на тот свет не отправили.

Я мысленно сделала себе пометку проверить показания медсестры. Ведь если она права, тогда якобы случайное отравление Юлии дикаином напрямую связано со ссорой с дядей накануне. Но связывать исчезновение Юлии из больницы и ужасную смерть Аникеева рановато. У Юлии просто не хватило бы сил поднять скальпель, я думаю.

– Бред! Ну не могла же она сама уйти! Ведь только-только из реанимации... Как вы думаете, – ядовито произнесла посетительница, – может ли человек, только что находившийся на грани смерти, самостоятельно встать и идти, да еще и прирезать попутно мужчину? Хотя он, честно сказать, был не очень сильный, даже хилый. И все же, по-моему, это невозможно физически. Вы и милиция должны это понимать!

– Я понимаю, – заверила ее я. – А почему милиция считает, что Юлия как-то причастна к смерти своего дяди?

– Она – единственный оставшийся у него кровный родственник. Я и его жена не в счет. Потому что меня в завещании даже нет!

– Вы хотите сказать, что от смерти вашего брата Юлия бы что-то выиграла? – Мне уже порядком надоело угадывать то, что эта дама сама должна бы рассказать мне.

– Ну да, правда, все наоборот. Выиграла бы не она, а он. Виктор был опекуном ее состояния по завещанию.

– Большое состояние? Или вы не можете мне об этом говорить?

– Почему же? Около четырехсот тысяч евро в перерасчете

на сегодняшний курс плюс пай в одной стабильно развивающейся строительной компании на сумму сто пятьдесят тысяч долларов.

Я присвистнула. Конечно, цифра меня не шокировала, я встречалась с суммами и покрупнее, однажды даже спала в обнимку с почти тремя миллионами баксов, но все же деньги это немалые. Тем более для молодой одинокой девушки.

– То есть если бы Юлия умерла, то ваш брат бы разбогател?

– Да! У самого Виктора за душой ни гроша, даже деньги его принадлежат Ларочке, его жене и моей лучшей подруге.

«Бедный мужик, – подумала я, – жить в окружении трех баб, которые богаты как Крезы... Это далеко не каждый выдержит».

– Именно поэтому я и прошу вас взяться за это дело. Мне, собственно говоря, не важно, почему убили Виктора, я хочу только доказать, что это сделала не Юля! Потому что милиция, как я выяснила, подозревает ее! Ее! Это нежное, хрупкое создание, неспособное и мухи обидеть! Они, видите ли, не видели никого выходящего из больницы в пятницу с большим подозрительным свертком в руках – то есть похитить Юлю никто не мог. Значит, ушла сама. А почему? – спрашивают меня. А откуда я знаю? Вот они и решили, что девочка просто сбежала, предварительно убив дядю. Они узнали – Ларочка случайно проговорила, – что и Юлия, и Виктор друг друга терпеть не могли, а накануне у них произошла

крупная ссора, не знаю, по какому поводу. Да Виктора никто терпеть не мог! Только Юлин отец был от него в восторге – оба одного поля ягода, за копейку удавятся...

Она на секунду прервалась – набрала воздуха в грудь и продолжила свой спектакль:

– Боже мой, бедная девочка! Она ведь выросла на вот этих руках. – Она потрясла ухоженными руками, унизанными бриллиантовыми кольцами. – Я-то знаю, что она не могла этого сделать! Ее похитили! А может, ее уже нет? Вдруг похитители не ухаживают за ней? – Голос певицы надломился, и она замолкла. – Но нет, будем надеяться на лучшее. Я хочу найти ее раньше их и укрыть бедняжку от опасности под своим крылом!

– Ясно, – подытожила я. – Значит, искать Юлю?

– Да!

После этого я взяла разговор в свои руки и с помощью предельно простых вопросов вроде «где и когда» получила скудные крупинцы информации.

Вырисовывалась следующая картина.

Пятница, десять утра – налоговый инспектор проверяет Аникеева Виктора Валентиновича, его вызывают в кабинет бухгалтера на третьем этаже.

Пятница, одиннадцать утра – Юля в добром здравии перемещается в палату на второй этаж, откуда звонит тете по мобильнику и настаивает на операции: дескать, чем быстрее, тем лучше.

Медики не возражают. Назначается на три часа двадцать минут.

Пятница, час десять – в кабинет Аникеева приходит бухгалтер-операционист Инна Колоскова за подписью акта осмотра личного дела и счетов врача. Подписывает и удаляется, чему свидетели – рабочая бригада, ремонтирующая соседний кабинет. Один из рабочих слышит голос врача, то есть Виктора, – пока жив.

Пятница, час пятнадцать минут дня. Электрик, которому потребовалось проверить розетку в кабинете Аникеева, стучит в кабинет. Никто не отвечает. Дверь полуоткрыта. Он заходит и видит Веру Кузьмичеву, сидящую перед трупом. Руки у нее в крови, возле левой руки лежит окровавленный скальпель. Вызвана милиция. Здание оцеплено бо́льничной охраной и оперативно подъехавшей бригадой вневедомственной охраны.

Пятница, три часа двадцать минут – обнаружена пропажа Юлии. Вместе с Юлией из ординаторской (рядом с палатой Юлии на втором этаже) пропадает вязаный кардиган Екатерины Витольдовны (уборщицы), который она использовала в качестве накидки в ночные дежурства, и пара Юлиных слепанцев.

Мобильник находится неизвестно где, возможно, при девушке, из вещей ничего не пропало.

– Это типичное похищение! – взбудораженно заявила Беловицкая. – Сами подумайте, если бы Юлии действительно

взбрело в голову уйти, она наверняка бы переделалась во что-то более удобное, чем старый кардиган и комнатные шлепанцы, за которыми вдобавок нужно идти в соседний кабинет. Нет, тут что-то не так! Милиция опросила весь персонал, но в такой суматохе все как один заявили, что никто ничего не видел. Прямо чертовщина какая-то!

Я попросила фотографию пропавшей. С глянцевой паспортной карточки на меня смотрела грустная девушка с вьющимися рыжими волосами, которые не желали укладываться в гладкий пучок и торчали над головой, делая ее похожей на одуванчик. Бедняжка, как это ни жаль, действительно напоминала скорее удивленного чебурашку, чем обычную девушку ее возраста. И крайне возбужденная тетя уверяет меня, что такую примечательную особу никто не видел? Стало быть, либо народ разом ослеп, ибо такое существо не заметить невозможно, либо девушку действительно похитили, укрыв от посторонних глаз.

Я посмотрела на обратную сторону фотографии – там стояли фамилия и дата – Бочкина, апрель.

– Сколько лет Юлии?

– Двадцать два. Почти. Двадцать один. Завтра у нее день рождения! – Она приложила платочек к глазам, демонстрируя скорбь. При этом Беловицкая старалась не касаться накрашенных ресниц.

– Вы говорили, что Виктор – опекун капитала Юлии, сам же был беден как церковная мышь. А когда наступает срок

передачи опекунских прав? – спросила я, догадываясь, каким будет ответ. Если девушка до сих пор находилась на иждивении тетушки, значит, своих денег у нее пока нет. И со стороны убитого дядюшки все еще имелся бы финансовый интерес в смерти Юлии.

Я пока абстрагировалась от того факта, что Аникеев мертв.

Его могли убить и по совершенно другой причине, необязательно из-за наследства. А вот отравление Юлии дикаином он вполне мог организовать, чтобы оставить за собой все деньги. Правда, тут нужно многое проверить.

– Завтра, – ответила Беловицкая и полезла в сумку за календариком. – Точно, завтра. Завтра Юлечке будет двадцать два – возраст, указанный в завещании, она станет свободной богатой женщиной. Только бы она жива осталась! Бедняжка, ко всем ее неприятностям, еще и день рождения насмарку!

Я попыталась собрать мысли в кучу, не слушая треп певицы. Интересная картина – Аникеева убивают накануне передачи капитала в четыреста тысяч евро. Юля тоже подвергается опасности – медицинская ошибка плюс похищение.

– Кто наследует деньги, если и Юля, и Аникеев умирают раньше вступления Юли в указанный в завещании возраст?

– Лариса, – незамедлительно ответила Беловицкая. – Жена Виктора. О нет! Это не то, что вы думаете!

Я еще ничего не успела подумать, но раз такая реакция...

– Лара в прострации! И вообще, она сейчас в Питере, у

мамочки. У той умерла любимая болонка, так что Лариса сочла своим долгом поддержать родного человека. Ах, на нее столько всего в последнее время навалилось! Я ее вызвала вчера, сообщив ужасную новость. Она так плакала! Но держалась стоически. Нет-нет, это не Лара их убила, даже не думайте.

– Понятно. – Я решила пока не трогать эту Ларису, себе дороже. Но на заметку, конечно, взяла.

Я вздохнула, протирая глаза ладонями и сгоняя с себя летнее оцепенение. Перевела взгляд на диван, где тарасил бессмысленные глаза наш «арестованный». Милицию я пока не стала вызывать, решив побеседовать с ним лично.

– Милочка, я прошу вас распутать этот клубок. Вы же профессионал! Лично мне все это напоминает заранее обдуманную аферу против моей клиники и моего семейства, цель которой я не могу понять. Наверное, низкий корыстный интерес. Одно знаю точно – Юлю в обиду не дам! И ее деньги тоже! Уж я прослежу!

Ну разумеется, деньги в обиду нельзя давать. Их вообще лучше никому не давать.

– Хорошо, я берусь за это дело, – сказала я, поднимаясь из-за стола.

– Вы умница, Машенька, это по всему видно. Вам и карты в руки, – улыбнулась Беловицкая, вновь превращаясь в рафинированную леди. Леди с бульдожьей хваткой. – Да, и вот еще что...

Внезапно у нее запиликал мобильный, и Елена Дмитриевна не договорила. Видимо, пришла эсэмэска. Взглянув на экранчик и прочтя сообщение, моя клиентка вдруг стала белее бумаги.

– Что случилось?

Беловицкая тяжело вздохнула:

– Опять. Опять одно и то же!

– Что? Что именно?

– Угрозы, – сообщила Беловицкая, обмахиваясь надушенным платочком. – Сейчас все по порядку расскажу... Ах!

Я терпеливо ждала.

– Начну со вчерашнего дня, когда были два совпадения, которые могли стать для меня смертельными, если бы не чистая случайность. Судите сами. Утром вдруг взорвалась кофеварка. Я обычно встаю в шесть утра, иду на кухню, где варю кофе. У меня была джезва, однако она пропала три дня назад. Джезва у меня была настоящая, турецкая, из серебра. Сами понимаете, быстро такую же не найдешь, поэтому мы пока пользуемся кофеваркой. Очень уж кофе любим. В моем возрасте, конечно, не стоит пить этот напиток, однако я всегда составляю компанию Вайно. Он любит пить кофе по утрам. Так вот, обычно – подчеркиваю, обычно – я остаюсь на кухне и делаю завтрак.

– У вас есть домработница?

– Есть, но готовлю я сама. Меня еще мать к этому приучила.

У нас с Вайно разделение труда: я делаю завтрак, он – ужин. Знаете, мы оба – старые холостяки, потому нам доставляет удовольствие заботиться друг о друге. Однако вчерашним утром я сразу же убежала в ванную. У меня внезапно упало давление, а аптечка стоит в ванной. Буквально через две минуты прогремел взрыв. Причем, как сказал мне сын Вайно – он сейчас гостит у нас, – это был очень странный взрыв.

– В каком плане?

– Кофеварка стояла на столе. Взорвалась она то ли от скачка напряжения в сети, то ли от замыкания, что само по себе необычно, потому что у нас стоит стабилизатор, защищающий электроприборы от скачков в сети. Замкнуло также телевизор, микроволновку и тостер. Хорошо еще, что холодильник у меня подключен к автономному источнику питания. Вы не поверите, но все эти предметы также взорвались! Вызванный электрик сказал, что это какая-то ненормальная, ужасающая случайность. Мне это показалось подозрительным.

– Почему?

– Накануне на автоответчике я обнаружила странное сообщение.

– Что в нем было странного?

– Незнакомый мне голос сказал, что до назначенного срока осталось два дня. Я должна успеть сделать что-то – я не поняла, что именно, – раздались скрипы и помехи, – иначе

я могу проститься с жизнью.

– Прямо так и сказал? – гася скептическую ухмылку, спросила я.

– Да, представляете! Вообще весь разговор отдавал какой-то театральностью, наигранностью, если хотите... Я в растерянности. Ума не приложу, кто мог это сделать. Кому я могла помешать? – Беловицкая уже успокоилась и рассказывала мне все так, словно делилась впечатлениями от просмотра очередной серии «мыльной оперы».

– А о причинах догадываетесь? Возможно, вы кому-то до рогу перешли, или кто-то мстит за старые обиды, или дело касается вашего бизнеса?

– Не знаю, – Беловицкая нервно повела плечами, – разве я могу помнить все? Возможно, я кого-то когда-то обидела... по чистой случайности. Знаете, концертная жизнь, тем более жизнь звезды сцены, очень утомительна в том плане, что не можешь уделить достаточно внимания окружающим людям. Я порой очень уставала, могла сорваться, устроить скандал, правда, всегда потом просила прощения. Но разыгрывать весь этот спектакль только ради того, чтобы отомстить мне за какую-то мою давнишнюю выходку?

– А в последнее время ни с кем не ссорились?

– Пожалуй, нет, – подумав, ответила бывшая певица. Мне ее тон показался неуверенным. Чувствовалось, что она что-то недоговаривает.

– Елена Дмитриевна, – сказала я, – мне нужно знать все,

поэтому прошу, не скрывайте от меня ничего. Это для вашей же пользы.

Сказала я это достаточно мягким тоном, но Беловицкая неожиданно посуровела и отчеканила:

– Я сказала – нет! Я ни с кем не ругалась за последние дни. Почему вы мне не верите?

– Потому что это вас хотят убить, а не меня. И мне нужно знать как можно больше, чтобы помочь вам!

– Мне не нужно помогать! Помоги себе сам – говорил мне отец. И я сама приму меры по спасению собственной жизни. И вообще, лучше всего, когда происходит разделение труда. То есть вы занимаетесь каким-то одним делом, а именно – ищете Юлечку. Договорились? Сколько это будет стоить?

* * *

В этот момент напомнил о себе наш преступник, который лежал молчаливым кулем и тупо пялился в потолок. В общей сложности наш разговор с Беловицкой занял около получаса. Что-то он долговато оживает. Если сейчас не очнется...

– Вы ему часом не пережали сонную артерию? – поинтересовалась я, подходя к парню ближе. – А то он неживой какой-то.

– Что вы, дорогая! У меня отточенная реакция. Около пяти лет я прожила с замечательным человеком, – Беловицкая мечтательно улыбнулась, – он был полковником, но, к сожа-

лению, погиб в Афганистане. Ах!.. Он меня всему научил. Если бы я ударила на два пальца ниже шеи, тогда – да, парень вообще бы трупом стал. А так – посмотрите, розовенький. А что глаза тупые, так они у него, когда и в сознании пребывал, интеллектом не светились.

Объект нашего разговора как раз начал приходить в себя. Сначала вытаращенные голубые глазки невинно моргнули, потом заблестели. Ну конечно, после столь долгого напряжения глазных мышц неизменно последует обильное слезотечение – чтобы снять некоторое остекленение склеры и расслабить глаза. Парень вдруг начал дико вращать глазами. Видимо, чувствительность рук у него еще не до конца восстановилась, поэтому он стал судорожно ими дергать, стараясь ухватить себя за пояс. Лицо его искажали чудовищные гримасы. Боже, какие у него клыки! На ум невольно пришла сцена из «Красной Шапочки», где волк изо всех сил пытается изобразить дружелюбный оскал, встречая «внученьку».

– По-моему, он хочет что-то сказать, – заметила Елена Дмитриевна. Редкая наблюдательность.

– Бо... бо... бо... – стал плевать слогами парень, изгибаясь на диване, как червяк.

– Заика? – негромко предположила Беловицкая.

– Должно быть, ему больно, – в свою очередь сказала я.

– Бо... бо... бо...

Елена Дмитриевна наклонилась ко мне:

– Может, его Боря зовут?

– Не думаю, что он так активно хочет познакомиться, – сказала я. – Наверное, дело в другом.

По лбу парня стекали капельки пота, лицо исказилось от страха.

– Не понимаю, – всплеснула руками клиентка. – Милый, ты что сказать-то хочешь? А?

– Бо-бо... – умоляюще прошептал несчастный. И вдруг облегченно заорал: – Да бомба же! У меня!!! Бомба! А-а-а!!! На пояс она... на пояс...

* * *

Дальнейшее вспоминалось как кошмарный сон. Надо же было такому случиться, что именно в этот момент вернулись мои любимые работодатели, причем вместе с сыном! Кто хоть раз оставался дома со здоровым нормальным пацаном, тот поймет, насколько это хлопотно.

Потапка, увидев меня, приветственно махнул рукой, потом шустро кинулся обнимать улыбающегося Счастливого. Пес покорно позволил потискать свой нос, но глухо заворчал, когда над его ухом раздался неожиданный вопль ожившего.

– Мама! Мама! Мамочки, да снимите же ее! Чего вы сидите, как истуканы? А-а? Ща рванет... е... бл... Точно рванет! – опять длинный силлогизм, состоящий сплошь из матерных слов, на удивление стройно сочетающихся. Наконец,

устав от мата и нашего бездействия, парень отчаялся и просто завопил, глядя почему-то на Беловицкую: – А-а-а-а-а-а!!!

Самое интересное заключалось в том, что все это произошло в считанные доли секунды. Потапка недоуменно покопился на орущего, Валя стояла столбом, держа в руках элегантную летнюю шляпку. Один Родион Потапович не утратил хладнокровия и собранности.

– Прекратить бардак! – гаркнул он. – Мария, что за дела?

Чем я всегда отличалась, так это неженской способностью кратко, четко и без эмоций отвечать на вопросы и формулировать проблему.

– У нас клиент, Елена Беловицкая. – Имя, конечно, было лишней подробностью, но не упомянуть его было бы совсем уж невежливо по отношению к уважаемой даме. К тому же я и так ужала свое сообщение до минимума. – На нее напал этот парень. Говорит, что на нем бомба. Все.

– Понятно, – кивнул Родион Потапович.

Он моментально схватил пса и ребенка за шкурку, вытолкнул за дверь, туда же послал Валентину, приказав срочно бежать к машине. Мне кивком указал на Беловицкую, молчаливо телеграфируя – выводы! После чего подошел к затихшему парню, который испуганно прислушивался к своему животу, и негромко спросил:

– Что у тебя там? Дистанционка или с таймером?

Надо сказать, что выглядит Родион Потапович, по мер-

кам москвичей, как самый настоящий среднестатистический лох: маленький, щупленький, с непропорционально большой головой, которая кажется таковой из-за встрепанной клочкастой шевелюры. Криво сидящие очочки и очень неприметное лицо. Одевается чаще всего в серые брюки и рубашку, все это он неизвестно где умудряется приобретать, избегая постоянного контроля своей жены. Она-то заботится о его гардеробе с таким тщанием, что Родиона уже воротит при слове «бутик» или «галерея». Однако за непрезентабельной внешностью скрываются мощный интеллект, великолепная интуиция, железная логика и поистине феноменальное чутье. При этом Родион разбирается буквально во всем.

– А-а-а-а... – Парень не смог выговорить ни слова. Он пару секунд по-идиотски таращился на Родиона, после чего благополучно потерял сознание.

– Идиот, мать его, – резюмировал шеф.

Он осмотрел одежду и карманы незадачливого диверсанта и как-то устало бросил:

– Магний. Могло быть и хуже. Мария, дуй на улицу.

Я в экстренном порядке вывела Елену Дмитриевну во двор, по возможности прикрывая ее собой. Конечно, я не профессиональный телохранитель, и эта женщина при всем ее обаянии не вызывает во мне настолько теплых чувств, чтобы я рисковала ради нее своей жизнью, но у меня, в отличие от простых людей, есть одна небольшая особенность –

я везучая. На меня не упадет кирпич, не уедет автобус, если он мне вдруг понадобится, а он мне не понадобится, потому что мой джип всегда в идеальном состоянии. Если и ломается, то лишь в чужих руках. И уж конечно, в самый ответственный момент, когда надо делать ноги, у меня не развяжется вдруг шнурок, не зацепится за что-нибудь одежда, не случится внезапное расстройство желудка, и бомба, которая должна вот-вот взорваться, подождет еще пару секунд.

Каким-то необъяснимым образом я воздействую на окружающую среду, излучаю, наверное, флюиды замедления момента опасности, но все сводится к одному – телесная сохранность Марии Якимовой нерушима. И что самое удивительное, люди, которые рядом со мной, точно так же находятся в безопасности. Правда, иногда меня посещают мысли – а что, если я встречу вдруг такого же человека, как и я, но с обратным знаком везучести? Стараюсь об этом не думать. Хотя если подойти к вопросу с точки зрения логики, то наша встреча никогда не произойдет: ему, как всегда, не повезет, а мне улыбнется удача.

– У него правда бомба? – озабоченно спросила Беловицкая, когда мы оказались в машине. – Надо же, как все вышло... А ведь я его чуть в солнечное сплетение не ударила. Представляю, какой был бы «бум»!

Да, с чувством юмора у Беловицкой все в порядке. А вот я несколько переволновалась – слишком уж бурный выдался полдень. Побледневшая Валентина сидела на заднем сиденье

джила, крепко прижав к себе ничего не понимающего сына. Счастливчик, видимо, самостоятельно понял: неладно что-то в Датском королевстве, а потому постарался спрятаться на полу. Дрожащий плюшевый пригорок.

Я вырулила на дорогу.

– Елена Дмитриевна, а что, собственно, хотел этот парнишка от вас? – задала я наконец напрашивающийся сам собой вопрос. Я вдруг вспомнила, что в самом начале разговора Беловицкая как-то взяла его на себя, повернув беседу в нужное ей русло. А уж ее излишняя эмоциональность вообще выбивала меня из колеи.

– Я не знаю, как это называется на языке Уголовного кодекса, но, по-моему, это было разбойное нападение. Парень угрожал мне кастетом.

Я кинула на нее внимательный взгляд:

– Мне кажется, вы ни капли не испугались.

Беловицкая довольно улыбнулась, словно я сделала ей комплимент.

– У меня это с детства. Заторможенная эмоциональная реакция. Очень помогает в экстренных случаях, которыми меня судьба до сих пор не обижает. Я даже благодарна ей за это в какой-то мере – помогает чувствовать себя на коне. Адреналин, опять же. Молодит. Вы же видели, на меня бесполезно кричать, угрожать, нападать... Я сначала устраню опасность, потом начну реагировать, могу даже истерику устроить. Только позже, – похвасталась она. – У меня очень инте-

ресная психика, уникальная. Мне это все мои знакомые психологи говорили. А среди них, милочка, есть и мировые светила! Хотя, – неожиданно помрачнела она, голос зазвучал глухо, – мне все же страшно. Это уже не в первый раз! Эти угрозы...

– Что именно не в первый раз? Угрозы уже были? Когда? Какие?

Беловицкая вздохнула, помотала головой и еле слышно произнесла:

– Маша, дайте мне пару минут. Я сейчас ничего не смогу сказать. Особенность психики, я же говорила. Пару минут, и я все объясню.

Если бы я знала, на сколько растянутся эти «пара минут», я бы сразу же вцепилась в эту противную тетку и вытрясла из нее все, что она скрывала, отговариваясь особенностями психики. Какие, к черту, особенности? Так и скажи, что говорить не хочешь, скрываешь что-то.

Но я еще толком не знала эту женщину, потому послушно замолчала. В это время зазвонил сотовый. Это был шеф.

– Маша? Иди сюда.

– А остальные?

– Вальке скажи, пусть домой едет, такси возьмет. А нам с тобой еще дел много предстоит.

Притормозила я возле соседнего дома (на всякий случай отъехав метров на двести от нашего подвальчика), потому идти мне было совсем немного. Взрыва я не боялась. Вряд ли

у этого типа взрывпакет большой мощности. Скорее всего, обычная магниевая гильза со вставленным в нее самодельным запалом. В последнее время такие халтурные самопальные «бомбочки» очень популярны в среде националистически настроенной молодежи, непонятно почему, кстати. Да, эти «зажигалки» довольно просты в изготовлении и отличаются сравнительной детонационной стабильностью, компоненты легко достать, но это же вчерашний день! Возиться с магниевой стружкой, готовить патрон, испытывать его, чтобы потом кинуть в какую-нибудь машину, которая толком и не пострадает от взрыва, потому что, как правило, запал сгорает раньше, чем «бомба» долетит... Извините, конечно, но это нерационально. Обычный «коктейль Молотова», то есть бутылка с зажигательной смесью, гораздо удобнее. Хотя при близком контакте магниевая гильзочка может принести немало неприятностей объекту нападения. Но и самому пострадать недолго.

Насколько я поняла, парнишка либо собирался поугадать ею Беловицкую, либо я не знаю... Неужели на самом деле взорвать ее решил? Вот так, посреди белого дня?

Я вошла в прихожую и прислушалась. Страшно мне не было, да и в любом случае если абстрагироваться от эмоций и рассмотреть проблему с точки зрения здравого смысла, то безопасное расстояние для локальной взрывчатки из магния и перманганата калия – три-четыре метра, так что, даже если «бомба» и взорвется, Родиону есть где укрыться. Мне тоже.

Пострадает лишь этот непутевый бедолага. Но с другой стороны – сам виноват.

– Шеф, как там?

– Нормально, заходи.

Я вошла в комнату для приема посетителей. На диванчике в углу сидел парень, побледневший до синевы, и судорожно стягивал ворот клетчатой фланелевой рубашки дрожащими руками, на которых я заметила капроновые наручники. Неизвестно, где достал их Родион Потапович. Очень удобная штучка – действует так же, как и обычные металлические, только дешевле и проще в использовании. У бедного детективного агентства нет любимого правительства, которое снабжает наших государственных сыскарей наручниками, вот и выкручиваемся как можем.

Ковер под пацаном потемнел, промежность спортивных брюк также выглядела влажной. Гадость какая, до туалета потерпеть не мог? Кому теперь все это убирать, а? У Валентины, между прочим, еще два дня отпуска. Жаль ковролин. Светло-бежевый такой, цвета крымского песка. Если босиком ходить, то довольно легко представить себя на пляже. Ох, что-то у меня не вовремя мысли о пляже возникают. До бархатного сезона еще далеко.

Пойманный затравленно посмотрел на меня. Странно, что он так боится. Ведь вооружен он был более чем серьезно, когда сюда пришел, – кастет, взрывпакет. Достаточно опасное оружие. По крайней мере, если бы ему хватило смелости и

наглости, он бы тут весь квартал разогнал. Прав был Родион, клинический дурак этот парень. Идиот, если он, конечно, настоящий идиот, никогда не сумеет даже толком ядерную кнопку в заветном чемоданчике нажать – если вдруг ему выпадет такая удача, – несмотря на то что его палец будет держать и вести к цели куча специально обученных телохранителей и представителей служб безопасности. Обязательно какой-нибудь казус случится. Как говорится, кому не везет, того и на коне собака укусит.

– Что у него? – спросила я, садясь в кресло. Закидывать ноги не стала – все-таки мы в России, а не в Голливуде.

– Самодельная взрывчатка малой мощности. Магний, марганцовка... ну, ты понимаешь. – Я кивнула. – Хоть убей, не пойму, на хрена он ему? Ножом же проще или пистолетом. Большинство разбойных нападений совершается с помощью обычного оружия, а уж заказные убийства вообще обставляются как несчастные случаи. Зачем ему нужна была вся эта показуха? Где мадам?

– В машине. Привести?

– Можно. Нет, погоди пару секунд.

Шеф сегодня на удивление лаконичен. Правда, его можно понять: не успел приехать, как тут же встала острая необходимость разминировать какого-то придурка, да еще и жена с сыном при этом подвергались опасности. Было от чего разозлиться.

– Ее фамилия Беловицкая? – Я кивнула. – А, ну да, ну

да... Вспомнил. Она звонила мне, – продолжал Родион Потапович, – на сотовик. В офис не звонила потому, что ей мои услуги посоветовал Андрюха Маковский, наш, как оказалось, общий знакомый. Он знал только номер моего личного мобильного. Черт, боевая баба, даром что за полтинник перевалило. Из отпуска меня выдернула...

– Мы беремся за это дело? – полуутвердительно спросила я. Впрочем, ответ был очевиден.

– Да, – кивнул Шульгин. – А теперь, Мария, прогуляйся по двору и приведи мне Беловицкую! – скомандовал он. – А я пока этим молодчиком займусь.

Он кивнул на парня, которого из помещения для приема посетителей перебазировали в личный кабинет Шульгина. Парень сидел, уткнувшись лицом в колени.

– Ну и долго ты молчать будешь? – по-отечески спросил Родион. – Учти, я терпеливый, сидеть будем до морковкиного заговенья, пока ты мне не расскажешь, кто тебе заказал нападение на Беловицкую.

– Я сам, – глухо сказал парень.

– Что – ты сам? Сам придумал взять взрывчатку, сам сделал ее, сам нашел Беловицкую, сам напал на нее? Так?

– Угу.

– Что – «угу»? – разозлился Родион. – Ну не мог ты сам это придумать, не мог!

– Почему не мог? Что я, дурак, что ли?

– Вот именно – дурак! Если б не дурак был, сейчас бы

дома сидел да чай с плюшками трескал. Если ты сам все это придумал, то мотив мне хоть один назови! Ну? Я слушаю!

Парень горько вздохнул. Похоже, он страшно жалел, что вообще во все это ввязался.

– Маша, иди! – устало махнул рукой шеф. – Сил моих больше нет. Дурак дураком...

Я вышла. Конечно, не очень приятно, когда тобой вот так помыкают, но я вообще философски отношусь к жизни, поэтому и возражать не стала. Мной вообще можно помыкать сколько угодно, я не принципиальная... Бог с вами, тружусь на пользу Отечества, и ладно! К тому же кто сказал, что жизнь детектива – это всегда блестящие операции, погони, перестрелки и феномены разума и логики? Нет, в большинстве своем – это рутина и беготня по мелочам.

Но не успела я сделать и двух шагов с крыльца, как взрыв все-таки раздался.

* * *

Хотя звук только сначала показался взрывом. Оно и понятно – если от такого бабахającego звука у всех машин, которые находились поблизости, автоматически включилась сигнализация, то он не чем иным, кроме как взрывом, быть не может. Однако дом наш оказался абсолютно цел по одной простой причине: рванула не «зажигалка» паренька, которую в момент моего ухода вертел в руках Родион Потапо-

вич. Что-то круто бабахнуло во дворе.

Я бросилась туда, перескочив ступеньки. Махом преодолев сто метров, я оказалась возле своего любимого джипа «Чероки», который, увы, уже никогда не выжмет скорость сто восемьдесят, уходя от погони. В его бок – с той стороны, где находится бензобак, – неудачно вписался чей-то «Харлей Дэвидсон».

Что толку ругаться, когда словами уже ничего не изменишь? Однако я материлась почему зря. Обидно, знаете ли, машину терять. Когда я еще такой удобный внедорожник куплю? Да и не нужен мне другой, меня этот прекрасно устраивал. Зато, по счастью, салон джипа, сейчас ярко освещенный всполохами пламени, был пуст. Значит, Елена Дмитриевна успела выйти из машины до того, как в нее врезался «Харлей». А кстати, где же его хозяин? Я осмотрелась. Никого вокруг, если не считать уже набежавших зевак. Ничего не понимаю: два средства передвижения полыхают себе, словно в огне любви. Я – хозяйка одного из них – здесь, а где владелец байка?

Его отбросило аж на пятнадцать метров от гигантского костра. Человек в черной кожаной куртке неподвижно лежал возле детской песочницы, голова его без мотоциклетного шлема была неловко вывернута набок. Брошенные детьми игрушки валялись в песке, на земле, а сами маленькие хозяева испуганно столпились поодаль, восторженно глядя на зрелище. Оно, конечно, того стоило. Жаркие клубы бензи-

нового огня вырывались из догоравшего салона, мягко, но в то же время стремительно быстро взлетали вверх, где чернели и превращались в смоляной дым. Ну вот, процент смога в Москве сегодня повысился, подумалось мне. Интересно, кто-нибудь догадался вызвать пожарных?

Издали донесся вой сирены. Значит, догадался.

Я подбежала к человеку. Бессмысленно вытаращенные глаза серо-голубого оттенка смотрели куда-то в небо точно такого же цвета. Черная кожаная куртка была надета, по-видимому, на голое тело, причем, судя по запаху, который шибал в нос сразу же, как только подойдешь к человеку, тело это было давно не мытым. Грязные сальные патлы, когда-то светло-русые, перепутались сейчас с травинками и песком, ноги были обуты в разбитые кроссовки, одна вообще без шнурков. В целом парень производил впечатление бомжа, хотя... Откуда у бомжа на шее серебряная цепочка? Может, он панк? Тоже вряд ли. Конечно, данная группа людей хотя и отличается девиантным поведением, называя себя «отбросами общества», и совершенно не следует так называемому «здоровому образу жизни», но даже они, по крайней мере, пахнут как люди. От этого же за километр несло тухлой рыбой. Кстати, с какой именно он помойки? У нас довольно приличный район, здесь жители исправно выкидывают мусор в бачки АТХ, которые регулярно опустошаются коммунальной службой. Ближайшая мусорка только в трех кварталах отсюда.

– Девушка, посторонитесь! Что вы тут делаете?

Я моментально отошла в сторону, пропуская к телу прибывших на место происшествия стражей порядка. Какие они нынче оперативные! Не прошло и пяти минут, а они тут, как сивки-бурки, вещие каурки...

– Степан! – зычно заорал вдруг один из ментов. – Зови сюда наших, здесь тоже ЧП – труп!

Я оглянулась и поняла, в чем причина необычной мобильности группы оперативного розыска. В соседнем с нашим доме живет Мишка-интеллигент, на самом деле алкаш прожженный. Отличается тем, что любит устраивать демонстрацию протеста против капитализма. Надерется до паучков, вспомнит, бедолага, с перепоя те времена, когда водка стоила два двадцать, и начинает права качать. Из чистой вредности. Если баба Шура из квартиры напротив даст ему на похмелку, то акт протеста умирает на корню. Если у нее самой сто рублей до пенсии, то Мишке ничего иного не остается, как доставать из чулана реликвию – берданку, которую Родион все хочет купить для коллекции. Но Мишка не желает расставаться с подругой жизни.

И Мишка начинает палить в ворон, крича: «Мочи буржуев!»

Каким образом смерть вороны повредит буржуйам и внесет ясность в похмельную голову, неясно – видимо, причинно-следственная связь видна только одному Мишке. Но вскоре неизбежно приезжает милиция, которую вызывает

кто-то из перепуганных прохожих – здешние-то уже знают, что Мишка безобидный: постреляет и успокоится. Но менты обязаны «реагировать».

– Вы – свидетель? – спросил меня один из них, капитан средних лет. Его маленькие казахские глазки внимательно осматривали каждый сантиметр моего тела, всем своим видом выражая подозрение, что он, кажется, встречал мою физиономию на доске «Разыскиваются! Вооружены и очень опасны».

– Нет, я не свидетель, – честно ответила я.

– Тогда что вы тут делаете?

– Смотрю на него. – Я махнула рукой на труп.

– Что? – взъярился мент. – Просто шла мимо и решила посмотреть на труп? Зрелище очень интересное?

– Очень, – не покривила душой я.

Мент задохнулся от подобной наглости. Кстати, не он первый, кого моя тактика максимально тупо и честно отвечать на заданные вопросы приводит в замешательство. Ну, ведь согласитесь, я правду сказала. Во-первых, я не свидетель, так как прибежала гораздо позже, чем этот бомж свалился с мотоцикла, а во-вторых, я действительно просто смотрела на него из интереса и любопытства. Профессионального интереса, правда, но об этом менту знать не обязательно. Он же не спрашивал, почему я смотрю на труп мужика, а одно из правил, которому я научилась за годы службы в частном сыске, – не отвечай на вопрос, который еще не задали. Иными

словами, не облегчай жизнь оппоненту, если он враждебно к тебе настроен.

– Имя, фамилия, где живешь, место работы, что тут делаешь?

– Извините, не поняла, мы с вами на «ты» или на «вы»? – дружелюбно уточнила я. – А то я не знаю, как мне себя вести. Все-таки «тыканье» располагает к более фамильярному общению, не находите?

Мент побагровел.

– Ну зачем же так злиться? – мило улыбнулась я. – Якимова Мария Андреевна, живу рядом, место работы – детективное агентство «Частный сыск», вон дверь, – я махнула рукой. – Агентство принадлежит Шульгину Р. П.

Я показала ему удостоверение, сделанное Валентиной на компьютере и закатанное в пластик. Все чин чинарем. Капитан поперхнулся. Я продолжала сиять улыбкой. Люблю доводить ментов. Хотя как-то за свои шоферские обиды покрываюсь... Правда, нужно быть осторожной и не перегибать палку.

– А ну, давай двигай отсюда, Якимова Мария Андреевна! Детективное агентство, блин! Развелось вас...

– Не преувеличивайте, – возразила я. – Наше агентство, конечно, не единственное в столице, а уж в любимом Отечестве и подавно, но все равно частных сыскарей, да еще и имеющих лицензию, не так уж и много, чтобы они под ногами путались.

– Тебе что здесь надо? – по-простецки заговорил капитан. – А?

– Вообще-то, как вы могли заметить, парня отшвырнуло сюда взрывной волной.

– Я заметил, – ядовито ответил капитан.

– Так вот, это мой джип взорвался. Сами понимаете, интересно же, кто лишил меня машины.

Стоило посмотреть на его физиономию в этот момент! Казалось, что из надутого красного шарика выпустили разом весь воздух.

– Отлично, – капитан справился с собой где-то через минуту и даже повеселел, – тогда идите вон к лейтенанту Борисову. Хотя бы один очевидец нашелся, а то все, как крысы с корабля, разбежались.

– Я не очевидец, – была вынуждена напомнить ему я, но капитан лишь махнул рукой в ответ. И в самом деле, какая разница? Очевидец, пострадавшая – иди, давай показания, и весь разговор.

* * *

Что же шеф так медлит? Неужели взрыв, прозвучавший во дворе, – мелочь, не стоящая внимания?

Однако шефа не было. Я решила пока не терять времени даром и получить как можно больше информации о случившемся. Сзади меня находились двое оперативников, ко-

которые в это время занимались трупом, лежащим возле песочницы. Один из оперативников сидел на корточках перед мертвым мотоциклистом и был, по-видимому, практикантом. Или новичком, пришедшим в органы сразу после юридического института. Его значительно более старший коллега стоял с безучастным видом и курил. В руках были небрежно свернуты незаполненные формы для протокола.

– Мужчина, на вид двадцать три – двадцать пять лет, – говорил молодой. По всему было видно, что ему интересны и труп, и работа, однако свои светло-голубые джинсы он берег очень тщательно, старался не касаться земли коленями. – Волосы светло-русые, очень грязные. Вши у него, Валентин Петрович. Очень мило... – Он брезгливо потряс рукой, словно скидывая насекомое, хотя на самом деле даже не касался волос погибшего. – Та-ак. Одежда, Валентин Петрович, такая: куртка кожаная, черная, поношенная, на левом рукаве порез, заклеенный скотчем. Брюки спортивные, очень, Валентин Петрович, грязные. Обувь почти развалилась, старые спортивные туфли. Господи, Валентин Петрович, ну и вонь! Он что, с рождения, что ли, не мылся? Кошмар! Так, на шее серебряная цепочка... Ни фиги себе! Прикиньте, Валентин Петрович, почти в палец толщиной.

– Настоящая? – без проблесков эмоций поинтересовался коллега.

– Похоже, да, Валентин Петрович. Странный бомжик, Валентин Петрович: одежда с мусорки, а цепь на шее как мини-

мум две штуки стоит. Рублей, конечно. Плетение обычное... Знаете, Валентин Петрович, недавно одного пацана ограбили, он заявление писал, так вот, по-моему, эта цепь – его.

– Ошибаешься, – процедил старший, едва взглянув на шею бомжа, – это не его цепь. У Иванова она была из потемневшего серебра, а эта блестит.

– Почистили, – не унимался парень.

– Никто ее не чистил, – начал злиться старший, – тебя вообще кто просит делать выводы? Иди вон... к Борисову. Там помогай. А протокол я сам составляю!

– Отчет по практике включает в себя составление протокола на месте происшествия, Валентин Петрович, – хмуро сказал младший. – И потом, это вы мой руководитель, Валентин Петрович...

– Тогда слушайся! Тебя дисциплине учили?

– Учили, Валентин Петрович, – еще более насупился парень. – Только, Валентин Петрович...

– Прекрати называть меня Валентином Петровичем! – не выдержал мужик. – С этого момента – только капитан Самойленко!

– Есть, капитан Самойленко! Так точно, капитан Самойленко! Можно выполнять, капитан Самойленко? – вытянулся во фрунт пацан в джинсах.

Я тихонько фыркнула. Интересно, он издевается или на самом деле такой идиот?

– Иди уже, – устало мотнул головой Валентин Петрович. –

Швейк хренов...

Парень послушно развернулся и пошел к вышеуказанному лейтенанту.

– Твою мать, работнички! – процедил сквозь зубы старый оперативник. – Молокосос! Работает от силы дня два, а достал уже во как!

– Зря вы так, – миролюбиво сказала я, – мальчику нужен опыт.

Капитан моментально оглянулся со свирепым видом, чтобы узнать, кто тут такой умный, но я послала ему свою самую очаровательную улыбку, всем видом показывая, что я на его стороне.

– Кто же его еще научит, как не вы. А государству нужны обученные кадры в милиции. Такие, как вы, честные и неподкупные, – надеюсь, он не заметит сарказма.

– Спасибо на добром слове, – оттаял капитан. Не заметил, значит. – Приятно, что хоть кто-то верит в милицию. А то все – оборотни, оборотни... Из-за нескольких сук всех порядочных ментов готовы перевешать...

Так, мужик сейчас в полемику ударится, наболевшим делиться станет. Я добрая и не против того, чтобы пожалеть страдающую душу, но информации от этого ноль. Надо менять разговор.

– А все же странно, что у бомжа на шее цепочка дорогая висит. Интересно, почему?

Вопрос я задала подчеркнуто индифферентным тоном,

вроде как мне и неинтересно совсем. Чтобы он не рассердился на то, что я сую нос не в свое дело.

– Цепь действительно не совсем подходит к его... костюму, – согласился мент. – Сам бы хотел знать, как она у него оказалась.

– А отчего умер этот несчастный?

– Сейчас патологоанатом приедет и скажет. Я думаю, что от перелома шейных позвонков. Сам видел, как этот парень летел, ударившись о джип. Повезло еще, что не сгорел.

– Повезло? – скептически переспросила я.

– Нам повезло, – сказал мент. – Иной раз по обгоревшему трупу с трудом определишь, кто погиб: мужчина или женщина. А тут... Полный набор! И отпечатки, и описание... Красота!

– Не думаю, что она спасет мир, – подытожила я.

* * *

Тот, к которому всех посылали, то бишь лейтенант Борисов, скоренько опросил меня и отпустил, взяв обязательство приехать в ближайшее время в районный отдел милиции. Ага, есть у меня время по отделам разъезжать! У меня пропавшая где-то бродит, а я все заняться ею никак не могу! Заказ ведь могу потерять! Я бросилась в наш офис звать Шульгина, но тут он сам выскочил.

Глупого вопроса, что случилось, он не стал задавать –

и так все было видно. Прищуриив близорукие глаза, Родион Потапович оглядел полыхающий джип, к которому только-только подъехала бригада пожарников и спешно теперь разворачивала шланги. Вскоре пенные струи стояли, открыв миру новую форму моего джипа – обгорелый остов. Я отвернулась, чтобы не видеть это чересчур печальное зрелище. Право, в языках огня он даже интереснее смотрелся, чем сейчас...

– Сочувствую, Мария, – потрепал меня по плечу шеф. – Старый добрый «Чероки»... Хорошая была машина.

Мы молча направились к офису.

– Родион Потапыч, а где Беловицкая? – неожиданно спохватилась я. – Я ее не встретила во дворе.

– В кабинете. Она вбежала вся перепуганная почти сразу после аварии. Глаза вытаращенные, кричит что-то вроде: «Меня хотят бить! Меня хотят бить!» – и взвизгивает. Ее кто-нибудь бил? – флегматично осведомился шеф у меня.

– Нет, конечно. Кому взбредет в голову такая дурная идея?

– Значит, нервы, – констатировал шеф. – Я ей налил коньяка, посоветовал успокоиться, но сама понимаешь, что времени у меня было в обрез. Да еще и парень этот со своей взрывчаткой – она как увидела его, опять давай визжать, я думал, оглохну. Как же трудно иногда с бабьем... Короче, она должна быть у меня в каб...

Неожиданно дверь офиса распахнулась, и на улицу вы-

скочил паренек в синей фланелевой рубашке, застегнутой на две или даже одну пуговицу где-то у пупка. Завидев нас, он стремительно бросился в сторону и со скоростью хорошего спринтера понесся в сторону оживленной магистрали. Кроме нас, на него никто не обратил внимания.

– Что за черт! Машка! – одернул меня Родион. – Чего стоишь?

Можно было бы объяснить шефу всю бессмысленность погони, но я предпочла не спорить. Был приказ догонять – значит, надо бежать. Тем более, чем черт не шутит, вдруг действительно догоню? Может, он споткнется и будет там лежать, меня дожидаясь?

Все это я додумывала уже на бегу. Завернув за угол, я помчалась за парнем, который был уже почти в конце квартала. Рубашка билась парусом. Прохожие шарахались в стороны.

Орать: «Стой, падла, стрелять буду!» – не имело смысла, все равно нечем. Да и дыхание можно сбить. Лучше молча догонять убегающего. Львы, например, догоняя жертву, никогда не орут на всю саванну, расписывая в подробностях, как же они будут сейчас есть эту гниду позорную, антилопу гну. Они просто бегут за ней. Молча и красиво, сильными прыжками.

Я прибавила скорость, хотя что-то мне подсказывало, что я вряд ли догоню пацана. Правда, это вредные мысли, дезориентирующие. Мы ж рождены, чтоб сказку сделать былью...

Парень свернул в арку, я – за ним. Наши шаги гулко отдавались под высоким, исписанным непотребными словами сводом арки. Кроме нас, тут никого не было. Случайно шедшая мимо кошка остановилась на секунду, оценила обстановку и легкой рысцой посеменила в другую сторону. Сосредоточившись, я явственно услышала одышку парня. Он уже начал сдавать. Курить надо меньше.

«Упадешь ты, нет?» – взмолилась я. Бегать по московской жаре не очень-то приятно.

Мои мысли словно трансформировались в реальность, и парень, зацепившись за какую-то коробку, покатился кубарем по земле, остановившись в луже, не просохшей здесь с позавчерашнего дождя.

– Попался, голубчик! – облегченно завопила я, накидываясь на него, как амазонка. Был ли смысл убегать?

– Слушай, не трогай меня, ага? – взмолился парень, стараясь увернуться от моих рук, коими я крепко придавила его к земле. Пришлось пустить в ход колено. – Ты че? Че надо? Я больше не буду, правда! Пока он стenal, я старалась прикинуть, что делать дальше. Прижимать его к асфальту, как сейчас, более не имело смысла. Народ мимо пойдет, что подумает?

Излишнее внимание привлекать не хотелось.

– Ты чего удрал? – спросила я. – Кто тебя освободил? Ты же в наручниках был!

– Никто, никто не освобождал! – залепетал парень. –

Я сам. Я ловкий, меня мама научила.

– А тому, что за свои глупости нужно отвечать, тебя мама не научила? – Вопрос был чисто риторический, потому я перешла к сути: – Короче, так! Сейчас ты встаешь. И не вздумай рыпаться, сломаю что-нибудь. Руку там или шею. Но шею – вряд ли, ты нам еще живой нужен. – Парень позеленел, говорила я вполне серьезно. По крайней мере, старалась. – Понял?

– Понял! – смиренно кивнул парень, едва не плача.

Конечно, когда я помогала ему подняться, он чуть снова не вырвался – я бы на его месте сделала именно так. Пришлось отвесить неразумному подзатыльник, чтобы понял, кто в доме хозяин. Неожиданно сзади раздался приятный мужской голос, спросивший:

– Помощь нужна?

– Да, пожалуйста, – ответила я, не оборачиваясь. – Пондер...

На мою голову обрушился страшный удар, после которого асфальт показался мне не таким уж и твердым. Сквозь искры в глазах и фонтан боли я чувствовала, как из ослабевших рук вырвался парень. Стук убегающих ботинок был последним, что я слышала. Далее была пустота.

* * *

– Ой, мама! – Девушка бессильно прислонилась к кир-

пичной стене, пачкая длинную белую юбку, напоминавшую больничную одежду. В коленях появилась сильная слабость. Желудок, и без того бунтующий, неожиданно скрутило, перед глазами замелькали искры.

– Ой, мамочки! Ой, боже ж мой, помоги!

В вязаном коричнево-зеленом кардигане старушечьего вида, который совершенно не шел к блондинистому облику девушки, со всклоченными длинными русыми волосами и с безумием в глазах, эту молодую особу легко было принять за пациентку психиатрической больницы, ушедшую в самоволку. И в принципе это было не так уж далеко от истины. Девушка действительно была пациенткой лечебного учреждения. Сбежавшей.

Ноги в шлепанцах отказались ее держать, и девушка безвольно опустилась на асфальт. Обманчивая энергия, согнавшая ее сегодня утром с постели, оказалась лишь иллюзией. Силы таяли, а что делать дальше, девушка не представляла.

«Зато жива! – твердила она сама себе. – Зато никто уже не отравит».

Утешение было слабым – здесь, на задворках какого-то окраинного поселка, где отчего-то нет никого, она, пожалуй, отдаст богу душу еще скорее, чем в больнице. От палящего солнца, от дикой боли в желудке, от распухшего горла, которое, как ей казалось, уже достигло размеров головы, и от прочих неудобств. Может, все-таки стоило остаться в больнице? Тетя бы помогла, выручила, утешила...

Хотя как бы она помогла? Юля же сама, своими ушами ясно слышала разговор медсестер, готовивших ее к операции по изменению этих самых ушей. Впрочем, разговором это назвать было сложно, так как первая медсестра практически сразу же отослала вторую под каким-то благовидным предлогом, а сама принялась за дело, бурча себе под нос, думая, что пациентка спит и ее не слышит:

– Сейчас мы тебе вколем дикаинчику немножко, кубиков пять. И уснешь ты у нас так, что ничего и не почувствуешь!

Юлия слишком поздно осознала, что ее хотят отравить – ведь дикаин для нее безумно опасен! И она не могла это остановить, так как в привязанную руку уже вошла игла. Смертельная жидкость медленно втекала в кровь и дурманящими щупальцами уже начала опутывать мозг.

Произошло чудо, не иначе. Юлия выжила и, когда на следующее утро прокрутила в голове все события предыдущего дня, поняла, что никакой «случайности» в анафилактическом шоке нет – дикаин вкололи намеренно. Зачем? – возникал вопрос. Ответ напрашивался сам собой – только с месяц назад Юлия узнала, что, оказывается, она, словно в мексиканском сериале, стала богачкой. На нее неожиданно свалилась куча денег в виде наследства. Причем, согласно папочкиному завещанию, об этом следовало сообщить любимой доченьке лишь за месяц до ее двадцатидвухлетия.

«Всего-то около месяца знаю о деньгах, а уже сколько всего произошло! – думала Юлия, крепче обхватывая руками

острые коленки и прижимаясь к нагретой солнцем стене. – Ну хорошо, допустим, тот взрыв совершенно новой кофеварки, который произошел на прошлой неделе, был случайным. Может быть, авария, в которую я чуть не угодила, переходя дорогу на той же неделе, также была случайной. Но укол дикаина был намеренным. Значит...

Значит, – признала Юлия со вздохом, – причина всему одна – она очень мешает кому-то из родственников, так как лишь в случае ее смерти получают они деньги. – Поскольку выбор кандидатур у нее был не очень большой – всего-то два человека, тетя и дядя, да еще и оба работали в клинике красоты, то у Юлии не осталось сомнений относительно того, что делать дальше. – Бежать из больницы! И бежать как можно скорее! Иначе – смерть!»

Вот она и сбежала. Правда, теперь появились сомнения – а вдруг тетя ни при чем? Дядя-то всегда был сух и черств, как сухарь. Сказывалась, наверное, еврейская кровь, как говорила тетя. За деньги удавится. Даже женился на деньгах. Противная Лариса тоже не вызывала симпатий. Глупая сорокалетняя тетка, преждевременно постаревшая из-за собственной желчности и мерзко заглядывающаяся на молоденьких мальчиков, которые ей в сыновья годятся.

А тетя Лена – она всегда к Юле очень хорошо относилась, правда, несколько отстраненно, словно играла на публику, но даже эта театральная ласка была приятна девочке. Да и подарки вроде компьютера, вручаемые, как правило,

при куче свидетелей, умиляющихся «тетушкой», потом никто не отнимал. Баловала она Юлю. Хотя в свете последних событий Юля уже не была уверена в искренности и тетиных чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.